Платье в горошек

Юрченко П.Е.

9 «Г» класс, гимназия 622 Выборгского района, г. Санкт-Петербурга

Научный руководитель: Силина С.В., гимназия 622 Выборгского района, г. Санкт-Петербурга

Огромная красная двойка так и сверкала на белых страницах дневника. Судя по маминой реакции, поняла: буду наказана.

- Вот тебе ведро, тряпка, веник. Марш в чулан! Все выходные будешь делать там уборку!

Сжав зубы, я отправилась отбывать повинность с горькой обидой в душе: никто меня не любит, никто не понимает! «Подумаешь, книгу о войне не прочитала. Зато любовные романы глотаю!» - стучала злоба у меня в висках…

Это мрачное пыльное место не сулило ничего хорошего. Свет слабо проникал сквозь маленькое окно, но я разглядела довоенный шкаф со старыми чемоданчиками наверху и в полный рост зеркало, изъеденное временем. Любопытство подтолкнуло меня вперед. Я открыла скрипучие дверцы и обнаружила странные вещи. Однако винтажное платье показалось мне интересным. Тут же решила его примерить. Белый шелк неплохо облегал фигуру, даже рукава-фонарики забавно смотрелись на мне. Но больше всего меня рассмешил красный мелкий горошек, рассыпавшийся по всей ткани. Я подошла к зеркалу, протерла его и попыталась рассмотреть отражение сквозь темные пятна. За окном прогремел проходящий поезд, дом задрожал, шкаф затрясся, и упавший с него чемоданчик стукнул меня по голове. Оказавшись на полу, я потерла образовавшуюся шишку, протянула руку к зеркалу, чтобы удалить грязь и почувствовала, что кто-то к ней прикоснулся.

- Ты чего здесь одна стоишь? После бомбежки этот дом скоро рухнет! Давай выбирайся! - сказала мне темноволосая девушка в таком же платье и с новеньким кожаным чемоданчиком. Её лицо показалось каким-то знакомым. Странное чувство охватило меня, и я подумала: «Все лучше, чем в пыльном чулане сидеть».

Я решила оставить за спиной обиды и шагнула за ней навстречу приключениям, как мне тогда казалось.

- Ты кто такая? Почему здесь одна? Где твои родители? - спросила незнакомка.

- Нет у меня никого! - со свербящей обидой буркнула я.

- Под бомбежкой погибли, - утвердительно кивнула головой девушка. -Бедняжка, совсем одна. И документов, наверное, нет, - без устали тарахтела моя спутница. - А платье-то выпускное, как у меня, только какое-то потрёпанное. Что, 17? Но ничего, годик тебе прибавим…

- Как это«прибавим»? Куда ты меня ведешь?

- Ну как? Если тебе нет 18, Иван Прокопич, начальник нашего санитарного поезда, тебя не возьмет к нам. Куда ты пойдешь? А так служить будем вместе. Меня, кстати, Нюра зовут.

- Эн, - представилась я.

- Странное имя, но да ладно. Бежим скорее, а то Прокопич ругать будет.

- Не нравится, тогда зови меня просто Аней, - ответила я.

У поезда выстроились люди в военной форме, которая на них сидела смешно, и маленький пухлый человечек с усами в странных круглых очках пронзительно на нас закричал:

- Где вы, пигалицы, бегаете? Поезд уже отправляется. Вы что, прямо с бала? А это кто такая?

- Товарищ подполковник, это Аня, у нее семья под бомбежкой погибла. Ни денег, ни документов. Как она будет одна? Давайте её санитаркой возьмем? Лишние руки нам не помешают.

Тяжелый черный паровоз со свистом выпустил клубы пара.

- Некогда рассуждать! По вагонам! - громко скомандовал он. - Потом разберемся!

Не помню, как я оказалась в вагоне госпиталя на колесах и как на мне появилась форма с белым халатом. Сладковатый запах крови, духота и стоны раненых окружили меня. Нюра требовательно прикрикнула:

- Не стой, как истукан! Бинты давай!

Её проворные руки быстро обработали рану молодому парню, совсем ещё мальчику. Юное личико медсестры стало вдруг таким взрослым.

- Эту микстуру неси пятьдесят девятому, - отрывисто распорядилась она.

С тяжелым подносом я раздавала лекарства раненым. Весь ужас и боль бойцов, потерявших конечности, с перевязанными головами и животами ощутила наяву. Сколько крови! Сколько страданий! Я взяла за руку молодого лейтенанта, который в бреду звал маму, и со слезами на глазах стала гладить его пальцы, прошептав: «Ну что ты, сынок. Я здесь, я рядом, тебе не больно, все будет хорошо».

Мой тихий голос на время успокоил бойца, и мне даже показалось, что он слабо улыбнулся.

Но тут невыносимый грохот оглушил меня. Совсем ничего не видно. А где же Нюра? Попыталась крикнуть, но ничего не вышло. Темно. Как же здесь темно …

- Да у нее сотрясение, мамаша! Ей срочно нужен постельный режим!- услышала я сквозь темноту. Открыв глаза, увидела маму, которая внимательно слушала наставления врача. Ничего не понимаю…

«А где же Нюра?» - подумала про себя. Пронзительный голос мамы причитал:

- Анечка, как же ты умудрилась свалить чемодан прабабушки со шкафа?

Тяжело повернув голову, я увидела старое пожелтевшее фото.

- Так это же Нюра! - воскликнула я.

- Это твоя прабабушка Нюра, в чьём платье ты сейчас лежишь. В нём она сбежала на фронт совсем девочкой сразу после выпускного. Мы его столько лет хранили. А ещё конвертики писем, которые она присылала с санитарного поезда. Кстати, тебя назвали в её честь!

Меня переместили на кровать, и мы с мамой ещё долго читали пожелтевшие письма с фронта. И как бы сами собой руки потянулись к книге Веры Пановой «Спутники», лежавшей в чемоданчике. Мама сказала, что в ней вся правдао

службе медиков в санитарном поезде в годы Великой Отечественной войны. А выпускное платье в горошек вернулось на хранение в старый шкаф.